

Сергей ЮРСКИЙ

ВЕЧЕРА заняты, но дни наши. Поэтому нашими были музеи. Описывать живопись бессмысленно. На то она и живопись. Композиция многих полотен известна нам по репродукциям, а цвет, свет и воздух все равно не расскажешь. Скажу только, что при блистательных собраниях Национальной галереи, Тейт-геллеры Британского музея в Лондоне, Лувра и Музея современного искусства в Париже наибольшее впечатление на меня произвели малые коллекции. Многокилометровый кросс по залам прославленного музея превращает чувство радости от искусства в чувство жадности — увидеть побольше, запомнить, что видел, чтоб было что рассказать. На такой музей нужны недели.

В маленькой галерее на каждом шагу открытие, да и саму-то галерею вроде бы ты сам первый открыл — народу мало, что тебя ждет — неизвестно. И вдруг — Боттичелли, всего одна картина... Рембрандт — один... В соседнем зале два Ренуара, один Сезанн. Тут и рассмотришь свое открытие, тут-то и погрузишься в мир художника, который разговаривает с тобой лично, а не через дирекцию всемирно прославленного музея...

Впрочем, я увлекаюсь. Не всегда так. Разве не открыла нам громадная Тейт-геллеры великого Тернера, предшественника импрессионизма, в громадных 12 залах, дав нам полное представление о нем.

Из поразивших меня англичан назову еще Стенли Спенсера с его необычайно театрально решенной религиозной темой, Вильяма Блейка, известного поэта, смешавшего в живописи скрупулезную реальность с видениями и мечтами и одновременно пародирующего всю эту смесь. Сю-

реализм его иллюстраций к «Божественной комедии» неожиданно и ярко развернул восприятие произведения. Из современных назову Бена Никольсона, которого я не понял на английской выставке в Ленинграде и который теперь увлек меня живописной прелестью своего геометризма.

...Париж открыл перед нами Курбе, импрессионистов, Боннара, Вюйона, Шагала, Пикассо, Родена, Леже, Клее, Миро, Мунка и т. д., и т. д. Как говорить о живописи? Как рассказать о целом этаже, занятом Крамхом, о трогательном Маковском, смотреть которого мы бегали в Познани и в Варшаве, о Выспанском и Лебенштайне, об итальянском Возрождении и о французском маньеризме? Как? Никак... Это надо смотреть самому, хотя бы в репродукциях.

Но об одной галерее я все-таки расскажу. Хотя бы потому, что она лишь недавно открыта для публичного обозрения. Я говорю о галерее Гийома в саду Тюильри в Париже. Один этаж. Семь или восемь залов. У дверей в первый зал две «Обнаженные» Пикассо. Великий Пабло уже перешагнул через кубизм. Превеличенные, но живые тела. Плоть. Объем, вершин которого он достиг в период кубизма, потерял резкие грани, очеловечился. Дивное сочетание живописи — плоскости и объема — плоти.

Впрочем, когда гений увлекается тем или иным направлением, оно не иссушает его. Он преодолевает схему догмы. Меня волнует и Пикассо-кубист. В кубистической «Сидящей женщине» (Тейт-геллеры, Лондон) из огромного плоскостей проявляется волнующе проглядывающая женщина с невидимым лицом и с красивой рукой в классическом изгибе, глядит и сам Пикассо — Великан-исследователь.

Но вернемся к галерее Гийома. Ренуар. «Девочки у фортепьяно» и

несколько портретов. Яркость, радость, воздушность, оптимизм, в этих вещах чуть слащавый.

Монэ — никогда не надоедающий. Достоверный и неизменно художественный. Приблизивший природу к искусству почти вплотную и нигде не смешавший их, не спутающий. Светлый поэт.

Сезанн. Тяжелый, ищущий тяжести, трудный. Деревья стоят на земле, яблоки лежат на столе. Мать художника сидит в кресле. Художник действия, всегда живописного, так трудно понимаемого нами, актерами, статичного действия. Громадное напряжение.

Утрилло. Я уже был на Монмартре. Оценил его прелесть и вот снова увидел его на полотне. Это почти до слез. Все точно так, как я видел, но, оказывается, я видел один процент. Все как в натуре плюс великий художник. И теперь Монмартр я помню по Утрилло, не по собственным впечатлениям.

А дальше длинноте, вытянутые создания Модильяни с глазами, смотрящими поверх нас. Хочется приставать на цыпочки и заглянуть в эти глаза. Может быть, в них спрятал художник свою притягательную силу.

«Таможеник» Руссо. «Семейство в коляске». Нельзя не улыбаться. Такая наивная любовь к миру, к природе, такое искреннее желание показать, какая зеленая трава, какой желтый песок, какое круглое колесо. В коляске сидит все семейство. Все серьезные, но, видимо, очень доволь-

ны, что они вместе и сидят в коляске. И все смотрят на нас — и семейство, и собака, что стоит около коляски, и лошадь косит глазом. И сам художник смотрит на нас. «Ну как, хорошо?» — спрашивает его картина. «Хорошо», — отвечаем мы, невольно улыбаясь.

Последний зал — Сутин. Я впервые вижу этого художника. Это громадный художник. Он видит и творит реальный мир на своих картинах. Но в мире тревога. Сильный ветер дунул справа (всегда справа) и сместил, прогнул четкие очертания предметов. Ах, этот ветер!.. Он мучает художника, он мучает и зрителя. Он создает необъяснимую напряженность картин. Пейзаж, дом на холме, портрет мальчика, еще портрет — мужской, женский, страшная картина «Теленок и туша» — начало жизни и ее жестокий финал вместе.

Мощный цвет, абсолютный примат содержания, настроения над формальными ухищрениями. Единым дыханием создана каждая картина. И ветер, ветер справа, мнувший жизнь, и фигуры на картинах, мнувший мир. Если идти по залу слева направо — идешь против ветра, справа налево — по ветру. Выходишь из зала и долго несешь этот ветер с собой.

А в двух нижних залах снова покой. Клод Монэ. Большой зал, и всего четыре картины. Длинные, узкие, вдоль всей стены. Одна стена — утро, другая — день, потом — вечер и ночь. Все это — лес с нижней точкой. Вы в лесу. Но это не фокус, не

дешевая иллюзия, не зимний сад для пресыщенных. Это лес Клода Монэ. Вы здесь не одиноки, вы здесь вместе с ним. Большое счастье — общение с подлинным художником...

Звонок. Время. Музей закрывается. Служители, расставив руки, как гусей, гонят посетителей к выходу. Закрываются ставни...

Я вспоминаю, как такой же финальный звонок застал меня в зале электроживописи в музее «арт-модерн». Там крутились механические конструкции, по экранам ходили цветные тени, поворачивались какие-то аквариумы, в которых пузырилась подсвеченная вода. Я смотрел и все не мог взять в толк — почему это называют живописью. И вдруг звонок — служители вырвали вилки из штепселей, и все остановилось, погасло, умерло и застыло в своем бессмысленном уродстве. Я уходил с тяжелым чувством...

Из галереи Гийома я уходил счастливым. Даже в полутьме были прекрасны очертания фигур, живые пейзажи, загадочные глаза.

...Было 5 часов вечера. Я вышел в сад Тюильри. Служащие музея играли в традиционную французскую игру — вроде кеглей — большими деревянными шарами. Сколько раз мы видели ее в кино. Там в нее играли Жан Габэн и Раф Валлоне. Теперь играли служащие музея. Они спорили, метали, кидали, катили, громко вскрикивали, измеряли рулеткой расстояние между шарами. Игра катилась все дальше и дальше, и я шел за ней, слушая споры и не понимая правил. У моста играющие свернули со своими шарами и спорами влево, а я пошел направо, через Сену, к отелю Пале-д'Орсей, в котором мы жили...

ЗУИНА Бенхала, английская поэтесса, о которой я уже рассказывал, пригласила нас провести вечер у ее друга — художника Алена Давида. Англичанин с французской фамилией, родившийся в Бомбее. Он с громадным интересом расспрашивал нас о наших музеях, о нашей живописи. Мы пили вино и русскую водку, принесенную нами. Ален охал от ее крепости и варил кофе, от крепости которого охали мы. Потом пошли в мистерскую.

Он рисует солнце. Всегда солнце. Два года прожил он в австралийской пустыне. Там он и ловил бесчисленные оттенки раскаленного круглого солнца пустыни. Он оптимист. Его влечет яркое и круглое. Он не счи-

тает себя принадлежащим к какому-либо определенному направлению. Солнце, еще солнце, солнце, которое не вместились в картину, — ослепительный набор пятен. Яркий жонглер, какой-то квадратный, который жонглирует... опять-таки солнцами.

И еще — четыре туманных картины — один пейзаж в четырех временах года. Это его Англия, о которой он скучал в южной пустыне и писал по памяти родной пейзаж.

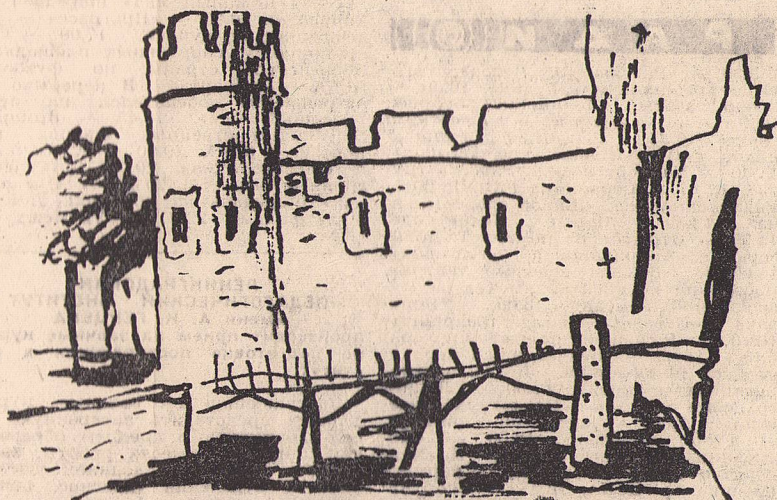
Модница.

Ален Давид не очень известен и поэтому вовсе не богат. Но он молод. Он очень любит рисовать солнце. Пожелаем ему счастья...

...Я давно мечтал увидеть на сцене пьесу Эжена Йонеско. Слишком много спорили и говорили у нас об этом драматурге и в печати и на диспутах. Пьесу «Носороги» перевели, кое-что я читал по-французски. В первый же день в Париже мы отправились на улицу Ля Юшет в театр того же названия. К нашему удивлению, мало кто знал этот театр из прохожих, у которых мы спрашивали дорогу. Не знала о его существовании даже продавщица театральных билетов в гостинице. Театр уже десять лет играет один спектакль. Две пьесы Йонеско — «Лысая певица» и «Урок». Более 3.000 представлений выдержали пьесы...

Лондон — Париж — Ленинград.
Рисунки А. Гаричева

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Лондон. Тоуэр.